

Второй день экзаменов был посвящен комплексному тесту и английскому языку. Пока Чэнь Хэсун корпел над бланками, Чжу Цинчэнь по привычке дожидался его в столовой. Когда утренняя часть завершилась и ученики благополучно разъехались на машинах охраны, наставник Чжу решил проигнорировать обычный обед: он знал, что Се Чжихэн обязательно привезет что-нибудь особенное.

И действительно, сегодня в меню были ледяные шарики таро с обилием медовой фасоли и изюма, а также небольшой кусочек торта-мороженого.

— Это последний экзамен, так что немного холодного не повредит, — заметил Се Чжихэн.

— Я тоже так подумал. Решил отпраздновать заранее, — Чжу Цинчэнь зачерпнул ложкой кусочек торта. Приятная прохлада мгновенно разлилась во рту.

Се Чжихэн видел, как радостно тот ест, как сощурились от удовольствия его глаза, и сам невольно улыбнулся.

Система Злодея, зависнув в дальнем углу под потолком, тихо пробормотала:

— Понятно, понятно. Ты его отец, ты его кормишь — всё по закону природы.

Се Чжихэн едва заметно кивнул:

— Рад, что сегодня ты соображаешь быстрее.

А как иначе? Вчера Се Чжихэн накрыл Систему пустой пиалой и благополучно о ней забыл. Он уехал вместе с водителем и только на полпути вспомнил о «пленнице», заставив машину развернуться только ради того, чтобы забрать посуду. На самом деле возвращаться ему совсем не хотелось — толку от помощницы было мало, но порядок есть порядок.

Как и накануне, после обеда Чжу Цинчэнь немного вздремнул, а когда прозвенел будильник, бодро вскочил и отправился к воротам. Вчера ему казалось, что время застыло на месте, но теперь, когда до финала оставался всего один предмет, всё происходящее почудилось ему удивительным сном.

Два часа спустя экзамен по английскому был официально завершен. У ворот школы царило ликование: родители разворачивали поздравительные баннеры, охапки цветов мелькали в толпе, а кто-то даже притащил ростовые фигуры любимых айдолов своих детей.

Се Чжао тоже пришел. Он крепко прижимал к себе маленькую золотистую собачку, ожидая появления друга. Заметив, что почти у каждого в руках цветы, он не удержался и купил для Чэнь Хэсуна огромный букет подсолнухов. Юноша всё еще чувствовал себя неуютно в такой толпе, но ради товарища он был готов преодолеть любое стеснение. Если у других есть праздник, то и у Хэсуна он должен быть самым лучшим.

Ученики один за другим покидали здание. Се Чжао приподнялся на цыпочки, высматривая в пестром потоке знакомую фигуру. Наконец он увидел юношу с рюкзаком за плечами и уже хотел было поднять руку, чтобы помахать, но в этот момент путь Хэсуну преградил другой человек с букетом.

Улыбка Се Чжао мгновенно погасла. Он не знал этого мужчину, но Хэсун узнал его сразу. Это был тот самый водитель-волонтер — человек, который поддался на уговоры матери Чэнь и едва не разрушил жизнь её сыну.

Поскольку он формально считался добровольцем и к тому же утверждал, что его ввели в заблуждение, состава преступления в его действиях не нашли. Полиция ограничилась воспитательной беседой и парой суток задержания. Теперь, когда экзамены закончились, его выпустили.

Однако общественное порицание оказалось куда страшнее закона. Организация волонтеров заставила его написать публичное покаяние и с позором исключила из своих рядов. На работе слухи разлетелись мгновенно: коллеги шептались за спиной, а те, у кого в семьях были школьники, и вовсе обходили его за версту, опасаясь, что подлец снова «выкинет что-нибудь эдакое». Для мужчины, чья манера поучать всех вокруг была притчей во языцех, это стало настоящей социальной смертью.

Теперь он выглядел куда скромнее. Мужчина заискивающе протянул Хэсуну цветы:

— Студент Чэнь, я искренне сожалею о случившемся. Это была лишь досадная ошибка, я ведь хотел как лучше. Прости меня, а? Может... может, ты напишешь для меня объяснительную? Всего пару строк, мол, я не со зла, и претензий у тебя нет.

Чэнь Хэсун уже заметил Се Чжао в толпе. Не желая тратить время на этого человека, он холодно бросил: «Нет», — и попытался пройти мимо. Но водитель оказался настырным.

— Послушай, малец! Даже в полиции сказали, что меня обманули и это было просто недоразумение. Зачем ты сейчас лицо воротить? Совесть имей!

Хэсун остановился и, с трудом сохраняя терпение, произнес:

— Я не стал подавать на вас в суд — считайте это моим милосердием. Но я не обязан вас прощать и уж тем более принимать ваши цветы. В чем проблема?

— Так нельзя! — возмутился водитель. — Цветы нужно принять, иначе это будет неуважением к старшему. Ты оскорбляешь мои чувства!

Чэнь Хэсун глубоко вздохнул.

«Вы так и не поняли, в чем виноваты. С какой стати я должен проявлять к вам уважение? Из-за вас я чуть не опоздал, мой пропуск был разорван, а вы говорите о своем "лице"? Неужели ваше самолюбие важнее моего будущего?»

— Да полиция же подтвердила — меня обманули! Я не специально! Это ты сам виноват, почему сразу всё не объяснил? Если бы ты четко сказал, в чем дело, я бы, может, и...

Услышав это, Хэсун почувствовал, как внутри вскипает ярость.

— Раз уж вы так настаиваете на подробном разборе, давайте разберем всё до конца.

Он в упор посмотрел на мужчину:

— Допустим, в самом начале вас обманули. Но мои одноклассники несколько раз повторили вам ситуацию. Они прямо сказали, что в семье я подвергаюсь насилию, что мой сводный брат издевается надо мной, и решение школы оградить меня от них — официальная мера защиты. И что же сделали вы?

— Вы проигнорировали все наши объяснения и упорно везли меня к матери. Я предупреждал вас снова и снова. Но нет, вам нужно было отстоять свой авторитет, доказать, что «нынешняя молодежь просто капризничает». Даже понимая, что совершаете ошибку, вы высадили меня посреди дороги только ради того, чтобы не признавать свою неправоту.

— Сейчас вы пришли сюда не ради извинений. Вам просто нужно выгородить себя и переложить вину на других. Вы прекрасно знаете, что виноваты в своей слепой предвзятости, но до сих пор не желаете этого признать и упрекаете меня.

Водитель покраснел как рак, только и бормоча:

— Как ты можешь быть таким мелочным? Полиция же сказала...

Чэнь Хэсун выхватил букет из его рук и точным движением отправил его в ближайшую урну.

— Уходите. Я уже сказал: прощения не будет.

— Ты...

Водитель замахнулся, намереваясь схватить юношу, но его руку железной хваткой перехватили. Тот обернулся и мгновенно побледнел:

— Наставник Чжу...

Чэнь Хэсун тоже обернулся:

— Учитель!

Чжу Цинчэнь, только что вышедший из ворот, стал свидетелем этой сцены. Он и так искал повода встретиться с этим «волонтером», а тот сам пришел, да еще и посмел замахнуться на его ученика? Сил у Цинчэня было немного, но, когда водитель попытался вырваться, его вторую руку перехватил Се Чжихэн. Вдвоем они прижали наглеца на месте.

Цинчэнь смерил мужчину ледяным взглядом:

— Вы помните, о чем я вас просил? Я доверил вам безопасность своего ученика. И что же вы сделали? Высадили его непонятно где?

— Я... я же не нарочно...

— Не нарочно? Мой ученик твердил вам об угрозе, а вы отмахнулись. Вы едва не лишили его шанса сдать экзамен, а теперь смеете приходить сюда и угрожать?

— Но я слышал, что на экзамен пускают даже с опозданием в полчаса...

— Эти полчаса даются для несчастных случаев, а не для тех, кто сознательно вредит людям! Вы даже не осознаете своей вины, так зачем пришли извиняться? А?

Водитель пытался что-то лепетать, но их спор уже привлек внимание толпы. Слова Чжу Цинчэня, сказанные вчера владельцу лавки, сделали свое дело. Люди начали перешептываться, а торговец канцелярией всюду просвещал тех, кто был не в курсе.

— Этот учитель защищает своего лучшего ученика, надежду школы! — громко рассказывал он.

— Парню вчера нужно было ехать на экзамен, водитель обещал доставить его в целости и сохранности. А потом вдруг решил поиграть в воспитателя и высадил мальчишку на полпути. Тот чуть всё не пропустил!

— Какая низость! В такой важный день так подставить ребенка!

— Просто сумасшедший! И теперь еще хватает наглости приходить сюда с цветами. Только

настроение всем портит.

— Будь это его собственный ребенок, он бы тоже его непонятно где бросил?

— Погодите, я его знаю! Он живет в соседнем квартале, кажется, фамилия Лю... в пятом корпусе...

Лицо водителя пошло пятнами от стыда. Чжу Цинчэнь отпустил его руку:

— Проваливай, пока я не нанял адвоката и не затащил тебя в суд.

Чэнь Хэсун, не выдержав, сжал кулак и нанес резкий удар, угодив мужчине прямо в челюсть:

— Вон!

Под градом возмущенных криков толпы водитель попытался сбежать, прикрывая лицо, но наткнулся на репортеров, дежуривших у школы. Те мгновенно окружили его, тыча микрофонами в лицо:

— Скажите, слова очевидцев — правда? Пожалуйста, прокомментируйте свои действия!

Мужчина метался в поисках выхода, пока двое полицейских не преградили ему дорогу.

— Я же уже отбыл задержание! — в панике закричал он.

— Появились новые обстоятельства, — холодно ответил офицер. — Вы скрыли от нас, что получили деньги от организатора нападения.

— Но...

Поскольку Мать Чэнь платила наличными, полиция не смогла отследить транзакцию сразу и сочла действия водителя «ошибкой по глупости». Но буквально только что женщина в участке, сорвавшись на истерику, проговорила об оплате. Полицейские тут же выехали на задержание.

Стражи порядка подхватили водителя под руки и повели к машине. Толпа ахнула:

— Так он еще и деньги взял! Продажная шкура!

— Я так и знал! Разве нормальный человек так поступит? Всё из-за денег!

Так и не получив заветной объяснительной, водитель не только опозорился на весь город, но и попал на телевидение. Не прошло и десяти минут, как эта история разлетелась по горячим темам города.

Чжу Цинчэнь посмотрел на ученика:

— Хочешь подать на него в суд?

Хэсун покачал головой:

— Нет. Главные виновники — другие люди.

Владелец лавки протянул юноше холодный напиток:

— Наконец-то всё закончилось. Теперь всё в порядке, возвращайся и отдыхай.

— Спасибо вам.

Се Чжао подошел к другу и протянул букет подсолнухов:

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Пойдем, поужинаем у нас.

Се Чжихэн и Се Чжао уехали на машине, а Чжу Цинчэнь посадил Хэсуна на свой скутер. Они медленно ехали по городским улочкам. Хэсун, сидя на заднем сиденье с рюкзаком за плечами и букетом в руках, задумчиво рассматривал банку с напитком. Совершенно чужой человек, случайный торговец, проявил к нему больше доброты, чем родная семья. Теперь, когда экзамены остались позади, пришло время поставить в этой истории окончательную точку.

После ужина в поместье Се все вышли в сад на прогулку. Чжу Цинчэнь спросил Хэсуна о его планах.

— Завтра из участка наверняка позвонят и пригласят обсудить дело Хэ Юя.

— Учитывая тяжесть проступка, школа его отчислит прямо сейчас, — заметил Цинчэнь. — А

полиция задержит подольше.

— Было бы идеально, если бы его продержали там до публикации результатов, — ответил Хэсун. — Говорят, если баллы будут достаточно высокими, приемные комиссии университетов сами начнут со мной связываться. Тогда я смогу диктовать свои условия.

— И чего ты хочешь?

— Полную стипендию, которая покроет все расходы. Но самое главное — я хочу перевести свою регистрацию по месту учебы. Нужно оформить это как можно скорее, в идеале — за лето.

Как только вопрос с регистрацией будет решен, он навсегда разорвет все связи с семьей Хэ. Чжу Цинчэнь одобрительно кивнул: парень продумал всё довольно детально.

— Завтра выпускной, и тебе придется съехать из общежития, — напомнил учитель. — Тебе есть где остановиться?

— Я могу снять квартиру, — прикинул Хэсун. — У меня остались деньги от прошлогодней компенсации, да и завтра я намерен получить с семьи Хэ кое-какие долги.

— Хочешь пожить у своего учителя? — предложил Цинчэнь.

Хэсун серьезно покачал головой:

— Нет, наставник. Если я буду жить вместе с вами, то в случае, если об этом узнают, это принесет вам ненужные неприятности.

— Тогда ищи жилье сам, но будь осторожен, чтобы тебя не обманули.

— Я понял.

Хэсун поднял взгляд на учителя, и в его глазах отразилась бесконечная признательность:

— Наставник Чжу, спасибо вам за всё.

— Не за что, — Цинчэнь лишь тепло улыбнулся и легонько потрепал его по голове.

На следующий день в школе гремел выпускной. Чэнь Хэсун, как бессменный лидер курса в

течение трех лет, получил специальную стипендию в три тысячи юаней. Хоть и немного, но деньги есть деньги.

Чжу Цинчэнь по такому случаю облачился в ту самую белую рубашку и черные брюки, в которых пришел в школу в первый день. Он даже уложил волосы, готовясь к фотосессиям с выпускниками. Когда он не улыбался, то выглядел весьма круто, но стоило ему прищуриться от радости, как весь напускной холод испарялся.

Ученики, которые раньше прятали телефоны, теперь всю шелкали камерами, затаскивая учителя в кадр. Цинчэнь старался сохранять серьезный вид, застегнув верхнюю пуговицу рубашки.

— Учитель, — морщились ребята, — вам совсем не идет это выражение лица.

— Правда? — Цинчэнь поднял руку, изобразив пальцами знак «V», и широко улыбнулся. — А так?

— Вот теперь всё нормально.

Он стоял на месте, а группы студентов сменяли одна другую. Хэсун тоже ждал своей очереди, когда зазвонил телефон — его вызывали в участок. Юноша спокойно попрощался с учителями и направился в полицию. Чжу Цинчэнь пошел вместе с ним.

Дело, которое натворили Мать Чэнь и Хэ Юй, было серьезным. Полиция еще никогда не сталкивалась с подобным: сорвать экзамен абитуриенту, разорвав его пропуск прямо перед входом — о таком здесь и не слыхали. В участке всё еще шло совещание: решали, ограничиться ли месяцем ареста или дать два.

К моменту прихода Хэсуна мать и сын провели в камере уже двое суток. Хэ Фэн, чья репутация была растоптана в прах, и не подумал заботиться о них, так что оба выглядели жалко и неопрятно. Случайно или нет, но их снова привели в тот самый кабинет для переговоров.

Увидев сына, Мать Чэнь вскочила с места. На ней всё еще было то самое красное платье, но за два дня оно помялось, волосы растрепались, и выглядела она крайне неряшливо. Женщина хотела было броситься к Хэсуну, но её тут же усадили на место.

Хэсун окинул её холодным взглядом и переключился на Хэ Юя. Тот, уже имевший опыт пребывания за решеткой, сидел в углу, мрачно глядя в пустоту. Видимо, парень до сих пор не мог понять, как Хэсуну удалось сдать экзамен без пропуска.

— Хэсун, Сяо Сун! Мама осознала свою ошибку! — запричитала женщина. — Пожалуйста, прости меня! Я больше не хочу здесь оставаться!

Хэсун лишь едва заметно усмехнулся:

— Разве вы когда-нибудь ошибались? Вы всегда правы.

Когда она заставляла его остаться на второй год, она не считала это ошибкой. Когда подкупала водителя — тоже. Теперь же ей вдруг стало стыдно. Слишком поздно.

Вскоре прибыл и Хэ Фэн. Он смерил жену яростным взглядом:

— А ну замолчи! Неужели тебе мало того позора, что ты на нас навлекла?

Женщина осеклась и, закрыв лицо руками, зарыдала. Но глава семьи уже не обращал на неё внимания. Он повернулся к Хэсуну, стараясь смягчить тон:

— Хэсун, мы признаем, что это было... неправильно. Скажи, чего ты хочешь? Давай постараемся замять это дело, чтобы оно не раздувалось дальше, хорошо?

Эта история уже больно ударила по его бизнесу, и он жаждал замять всё любой ценой. Хэсун молчал. Тогда собеседник понизил голос:

— Тебе нужны деньги? Дядя может дать тебе денег.

— Дадите мало — сочтете это компенсацией морального вреда. Дадите много — обвините в вымогательстве и шантаже, верно? — ровным тоном произнес Хэсун.

Хэ Фэн замялся, на его лице отразилось замешательство:

— Как ты можешь так думать?

Юноша встал, собираясь уходить:

— Дядя Хэ, вы неискренни. Не вижу смысла продолжать этот разговор. История уже попала в новости, думаю, репортеры скоро постучатся к вам.

— погоди! — мужчина вскочил, преграждая путь. — Мы оформим это как дарственную! Никаких условий, я просто добровольно передаю тебе сумму в качестве компенсации за все годы. Никаких претензий!

Хэсун остановился и обернулся. Поняв, что сделка возможна, собеседник начал называть цифры:

— Двести тысяч? Триста?

— Миллион, — твердо прервал его Хэсун.

Произнеся это, он невольно глянул на Чжу Цинчэня.

«Не сочтет ли наставник меня слишком алчным?»

Наставник Чжу, сидевший на диване, едва заметно кивнул.

Всё верно, именно так и нужно вести переговоры. Хэсун десять лет прислуживал в их доме, терпел издевательства — разве он не имеет права на возмещение? Цинчэнь всегда злился, когда в фильмах жертва в финале гордо отказывалась от компенсации. С какой стати? Жертва прошла через ад, и если она требует плату, это не делает её корыстной.

Нужны деньги! Только деньги!

— Что?! — это явно превышало бюджет Хэ Фэна. Зачем выпускнику столько денег?

— Десять лет травли плюс попытка сорвать мой экзамен. Миллион юаней. Дядя Хэ, ваша компания наверняка стоит дороже этой суммы.

Мужчина колебался. Судя по всему, в последнее время его дела шли неважно. Хэсун продолжил:

— Дядя Хэ, как вы думаете, заголовок «Абитуриент года годами подвергался насилию в семье» привлечет достаточно внимания?

Мужчина стиснул зубы и кивнул:

— Ладно. Пусть будет миллион.

— Еще мне нужен регистр домохозяйства (домовая книга), чтобы я мог выписаться.

— Забирай! — Хэ Фэн и сам мечтал избавиться от этого родства.

— Документ пока останется у меня. Как только я переоформлю регистрацию, я верну его по почте.

— Согласен.

— Тогда распорядитесь подготовить всё. Я свяжусь со своим юристом для составления контракта.

Хэ Фэн был в бешенстве, но у него не было выбора. Хэ Юй попытался вмешаться, вопя: «Отец, чего ты его слушаешь?», но получил звонкую пощечину.

Полицейские едва успели разнять их.

— Заткнись! — рявкнул отец на сына. — Всё это из-за тебя! Я трачу миллион, чтобы вытащить тебя из этой ямы, а ты еще рот открываешь?!

Хэ Юй замолк, прижимая ладонь к опухшей щеке. Хэсун тем временем позвонил юристу, которого ему порекомендовал Се Чжихэн.

Час спустя адвокаты обеих сторон подготовили все бумаги. Хэ Фэн, не глядя, поставил подпись и передал банковскую карту с миллионом и домовую книгу.

— Теперь доволен?

Хэсун спрятал всё в рюкзак:

— Вполне.

Он повернулся к учителю:

— Наставник, идемте.

Чжу Цинчэнь поднялся. Он видел, как вырос его ученик. Еще год назад в этом же участке Хэсун прятался за его спиной. Теперь помощь не требовалась — Хэсун сам диктовал условия, а учителю оставалось только мирно пить чай.

Когда они уже были у порога, Хэ Юй тоже вскочил. Но его тут же прижали полицейские.

— Вы что, не видели?! — заорал парень. — Мы подписали договор, мы договорились! Я могу идти домой!

Чэнь Хэсун обернулся:

— Мы не договорились о твоём освобождении. Подписанный документ — это договор дарения, а не отказ от обвинений. Офицеры, прошу вас действовать строго по закону и продолжать задержание. Все вопросы — к моему адвокату.

Хэ Юй с ужасом посмотрел на отца. Он-то думал, что Хэ Фэн спасает его. Но сейчас Хэсун открыл ему правду: это был не контракт о мировом соглашении!

— Папа?!

— И ты еще смеешь кричать? — взревел отец. — Ты хоть понимаешь, какие убытки понесет компания? Я стал посмешищем! Оставайся здесь и думай над своим поведением. И не надейся, что ты мой единственный наследник. Если я захочу, я найду тебе замену в любой момент!

Чжу Цинчэнь переглянулся с Хэсуном.

«Найти замену»... неужели у Хэ Фэна есть внебрачные дети?

Эта новость шокировала и Мать Чэнь. Все эти годы она из кожи вон лезла, угождая Хэ Юю, чтобы обеспечить себе будущее. Но что если наследником станет кто-то другой? Женщина запаниковала. Она робко потянула мужа за рукав:

— Лао Хэ?

Ярость мужчины перекинулась на неё:

— И ты туда же! — он грубо оттолкнул её на пол.

— Лао Хэ...

— Разве я не говорил тебе — не трогай Хэсуна, не связывайся с Чжу Цинчэнем?! Говорил или нет?!

— Но Хэсун мой сын... я просто...

— Хватит нести чушь! Когда он был прислугой, ты была вполне довольна. А теперь строишь из себя заботливую мать? К черту твоё притворство!

Мужчина подозвал своего юриста:

— Где бумаги на развод? Тащи их сюда!

— Развод?! — лицо женщины стало смертельно бледным.

Всё было кончено. Хэ Юй был родным сыном, и отец еще мог его терпеть. Но Мать Чэнь

никогда не была его «великой любовью». Хэ Фэн любил только свои деньги. И любого, кто угрожал его богатству, он отбрасывал.

— Развод! — вынес он окончательный приговор.

Женщина хотела было притвориться, что падает в обморок, но юрист уже сделал шаг вперед:

— Госпожа Чэнь, согласно вашему брачному контракту, разделу подлежит только имущество, нажитое в браке. Однако в последнее время дела компании шли крайне неудачно, так что...

Мать Чэнь мгновенно «пришла в себя». Она прекрасно поняла, на что намекает адвокат: ей не достанется ни гроша, она даже может остаться с долгами.

Она вцепилась в ногу мужа, умоляя:

— Лао Хэ, я всё осознала! Не бросай меня!

Хэ Фэн попытался стряхнуть её:

— Проваливай! Твой сынок только что забрал у меня миллион, иди к нему!

— Нет, я не пойду к нему! Клянусь, я никогда больше не увижу его...

Пока эта компания грызлась между собой, Чжу Цинчэнь и Чэнь Хэсун наблюдали за ними из коридора. Услышав про миллион, Цинчэнь испугался, что они сейчас бросятся отнимать деньги, и потянул ученика к выходу.

— Уходим скорее, уходим!

Проходя мимо дежурного, Цинчэнь бросил:

— Там в комнате, кажется, драка начинается, загляните к ним.

Полицейские вошли в кабинет, наводя порядок: «Прекратить немедленно! Руки убрали!»

Выйдя из участка, Чэнь Хэсун сделал глубокий вдох. Он мельком взглянул на машину Хэ Фэна. Похоже, дела у «дяди» и впрямь были плохи — машина была куда скромнее прежней. Впрочем, это его больше не касалось. Кошмар под названием «семья Хэ» закончился навсегда.

Он обернулся к учителю и тепло улыбнулся:

— Наставник Чжу, позвольте пригласить вас в ресторан кантонской кухни. Поедим рисовой каши с морепродуктами.

Цинчэнь весело кивнул:

— С удовольствием!

<http://bllate.org/book/15820/1436230>